

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго ¹⁾.

VI.

Мнѣ жаль разстаться съ дневниками кн. Ухтомскаго, не коснувшись тѣхъ страницъ ихъ, въ которыхъ онъ, послѣ Севастопольскихъ впечатлѣній, искренно рисуетъ себя, какъ офицера и человѣка.

„Со мною много случилось перемѣнъ въ это время“, признается онъ какому-то новому предмету своей страсти: „Я много перестрадалъ, передумалъ. Но я все тотъ же, нерѣшительный. За все берусь, все мнѣ надоѣдаетъ и, право, мнѣ наскучило жить. Знаете ли, что въ Севастополь не разъ напрашивался я на смерть, но она не идетъ. — Даже сегодня, когда вы сказали мнѣ — приложиться къ образу ²⁾, знаете ли вы, чего я просилъ? — Я думалъ, обращаясь къ иконѣ: „Если ты — дѣйствительно чудотворная, то пошли мнѣ смерть!“

Посвящая въ 1856 году одну изъ тетрадей своихъ мемуаровъ сестрѣ, князь пишетъ послѣдней слѣдующія строки:

„Другъ и сестра! Въ этой тетради ты найдешь мои замѣтки, выписанныя изъ моихъ любимыхъ авторовъ. Тутъ выражены и радости и горе, которыя когда-то волновали мое сердце! въ этихъ запискахъ—часть моей души. Иногда, когда тебѣ будетъ скучно, ты развернешь любую страницу и, читая, можешь заочно бесѣдовать со мною. Бѣльшей любви, бѣльшей привязанности къ тебѣ я не могу ничѣмъ выразить, какъ этимъ подаркомъ. Дай Богъ, чтобы

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

²⁾ Судя по другимъ мѣстамъ дневника князя, это было въ Одесскомъ соборѣ, гдѣ служилъ знаменитый Иннокентій.

ты и твои дѣти воспользовались бы тѣми высокими мыслями, которыя мѣстами разбросаны здѣсь и которыя—увы!—я только умѣлъ понимать, но не въ силахъ былъ выполнить...

„Читая мой журналъ, ты поймешь меня. Ты увидишь, что я всю жизнь былъ въ разладѣ съ самимъ собою и, вѣчно недовольный, переходилъ отъ восторга къ глубокому отчаянію или впадалъ въ апатію — обыкновенное состояніе моего духа; ибо видѣть нередь собою прекрасные образы, сознавать ихъ и, въ то же время, не имѣть силъ имъ слѣдовать,—ужасное и невыразимое мученіе.

„Ты можетъ быть спросишь: „чѣмъ же этого избѣгнуть?“

„Есть одно средство—воспитаніе. Когда еще дитя на рукахъ матери, то на ней лежитъ эта высокая и священная обязанность. При случаѣ я поговорю съ тобою о воспитаніи, какъ я понимаю его.

„Ты же знаешь, что мы дома не получили никакого воспитанія. Кормить, одѣвать, учить и наказывать—это далеко до воспитанія!.. Въ корпусѣ было немного разницы, можетъ быть еще хуже. Впослѣдствіи я самъ вздумалъ воспитывать себя, но уже многіе недостатки такъ привились, что у меня на перевоспитаніе не хватило силъ. При этомъ нуженъ непременно руководитель. Однѣхъ же книгъ недостаточно“.

Сидя въ Севастополѣ, покойный еще разъ принимается за описаніе Севастопольской обороны, но тотчасъ же бросаетъ перо, занося въ дневникъ:

„Хотѣлъ бы писать о Севастополѣ, но рука пишетъ другое, а въ головѣ ничему нѣтъ мѣста, кромѣ любви!“...

Въ 1858 году князя Ухтомскаго, неожиданно для него самого, назначили командиромъ парохода „Ординарецъ“.

Вотъ съ какимъ трогательнымъ сознаніемъ собственнаго своего служебнаго и личнаго недостойнства относится онъ, судя по дневнику, къ подобному высокому самостоятельному назначенію.

Князь пишетъ:

13-е или 14-е апрѣля. Галацъ.

Наконецъ, я добрался до своего журнала. Это значить, что я спокоенъ духомъ, отдыхаю послѣ различныхъ хлопотъ и, кромѣ того, имѣю что-нибудь записать. А какъ то, такъ и другое—важно. Начнемъ сначала. На вербной недѣлѣ я былъ въ Николаевѣ и хлопоталъ о вооруженіи яхты, чтобы со вскрытіемъ льда идти — разставлять баканы. Вотъ однажды, а именно, кажется, въ среду, меня догоняетъ ординарецъ и говоритъ, что меня требуетъ начальникъ штаба. Предполагая, что это—для ускоренія моего выхода, я сдѣлалъ наскоро главнѣйшія распоряженія и поторопился къ Лихачеву.

Курьеръ доложилъ о моемъ приходѣ—и черезъ 5 минутъ Лихачевъ выходитъ и поздравляетъ меня командиромъ парохода „Ординарецъ“, прибавивъ, что я долженъ немедленно идти за границу (въ Галацъ). На прощанье онъ прибавилъ, что я могу выбрать себѣ офицеровъ. Это извѣстіе меня чуть не ошеломило: какъ, я — командиръ парохода, назначенъ прямо за границу командиромъ! Откуда это? Что это вздумалось Бутакову? Потому что, какъ помнится, онъ не могъ считать меня очень хорошимъ офицеромъ, тѣмъ болѣе пароходнымъ, такъ какъ до сихъ поръ я не служилъ совсѣмъ на пароходахъ. Неужели этому причина случайное стеченіе пустыхъ обстоятельствъ? — Эта загадка такъ заняла меня, что я рѣшился спросить объ этомъ адмирала при первомъ удобномъ случаѣ. Возвращаясь отъ Лихачева, я все припоминалъ, не было ли у меня какого-нибудь пріятнаго предчувствія или хорошаго сна, но особеннаго не припомнилъ. Получивъ новое назначеніе, я дѣятельно началъ готовиться къ кампаніи, торопясь уйти изъ Николаева, чтобы меня не смѣнили: такъ невѣроятно казалось мнѣ подобное назначеніе. Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ прощальные визиты, и, странно, какъ я былъ счастливъ эти дни: что бы я ни задумалъ, о чемъ бы ни просилъ — все удавалось. Кромѣ того, большая часть долга заплачена (именно 750 р.); осталось только 500 р., съ которыми кое-какъ управлюсь со временемъ. Передъ отходомъ, я воспользовался пробой машины и сдѣлалъ на пароходѣ маленькій балъ. На немъ участвовала большая часть лицъ, къ которымъ я былъ расположенъ. Народу было болѣе 50 человекъ; приличное угощеніе, оркестръ музыки и всевозможная любезность съ моей стороны. Наконецъ, въ воскресенье я снялся съ якоря и пошелъ въ Одессу, чтобы тамъ размѣнять деньги на звонкую монету и уйти въ Галацъ“.

Милосерднымъ отношеніемъ къ младшему товарищу по службѣ, простому нижнему чину, вѣтъ отъ многихъ послѣдующихъ дневниковъ кн. Ухтомскаго: въ этомъ отношеніи, Севастопольское сидѣнье, какъ я уже упомянулъ выше, сблизило его съ низшей братіей и, указавъ на то, какія геройскія силы тамъ подчасъ таятся, оставило свой прочный отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь князя.

Въ 1862 году совершаетъ онъ плаваніе съ подчиненной ему командою на винтовой лодкѣ „Сѣкира“, дѣлясь своими впечатлѣніями, по привычкѣ, съ журналомъ и занося туда слѣдующее:

„Вообще я очень доволенъ командою: работаютъ отлично и безропотно, хотя приходилось много трудиться. Даже бывали случаи, что больные не шли въ лазаретъ потому, что народа мало и стыдно

отстать отъ работы. Я былъ такъ счастливъ, что во всю кампанію не наказалъ ни одного человѣка; дорогою отпуская на нѣсколько дней къ роднымъ, кому было близко, и отпущенные ни разу не опаздывали. Вообще мы живемъ въ полномъ согласіи. Да оно и не могло быть иначе, потому что матросы видѣли, что этотъ переходъ есть дѣло серьезное и что каждый день было много работы. Единственный недостатокъ въ командѣ—было пьянство. Съ этимъ я рѣшительно не могъ справиться. Было нѣсколько человѣкъ неисправимыхъ. Конечно, я обращался съ ними, какъ съ больными, и старался дать имъ такое занятіе, которое отвлекало бы ихъ отъ мысли о пьянствѣ“.

„Несмотря на утомительную работу гребли и бичевы, на бессонныя ночи и на дурную погоду, команда работаетъ весело и дружно. Иногда и самъ встанешь на лопарь, чтобы взялись лучше, или пройдешься въ лянкѣ. Только съ непривычки скоро устаешь“.

„Вечеромъ мы подошли къ городу Рыбинску и стали на якорь, немедленно разсчитали лоцмановъ и рабочихъ и легли отдохнуть съ сознаніемъ, что мы заслужили вполне этотъ отдыхъ“.

Когда въ 1863—1872 годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе гр. Тотлебена „Описаніе обороны Севастополя“—кн. Ухтомскій, по просьбамъ знакомыхъ моряковъ, выступилъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ съ критической замѣткою, въ которой, воздавъ должное капитальному труду знаменитаго автора, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли:

„Пища, одежда, помѣщеніе, конечно, имѣютъ большое вліяніе на человѣка. Черноморскіе моряки всегда имѣли (во время Севастопольской обороны) питательную и вкусную пищу; они были богаты бѣльемъ, которымъ даже щеголями. Во время же обороны, перебравшись на батареи, они жили въ устроенныхъ землянкахъ, а потомъ въ блиндажахъ, между тѣмъ какъ солдаты Севастопольскаго гарнизона ничего этого не имѣли. Нерѣдко имъ приходилось обѣдать на разсвѣтѣ, передъ выходомъ на работу, и такъ оставаться до вечера. Иногда каша солдатъ была такъ плоха, что ее едва можно было ѣсть. Бѣлье солдаты, конечно, не часто мѣняли, и, во время обороны Севастополя, намъ въ первый разъ случалось слышать о болѣзни, гдѣ, по выраженію солдатъ, „нуда заѣла человѣка“. (Болѣзнь эта состояла въ томъ, что у больного кожа раздражалась и мѣстами вспухала отъ множества насѣкомыхъ). Сѣрыя шинели солдатъ, сильно пострадавшія отъ походной жизни и отъ работы, не могли хорошо грѣть человѣка. Наконецъ, солдаты большею частью помѣщались на улицахъ, подверженные всѣмъ не-

настьямъ. Все это было причиной громадной разницы между матросами и солдатами (не говоря уже про то, что это имѣло весьма вредное вліяніе на здоровье солдата. Въ этомъ случаѣ отчеты госпиталей были бы весьма интересны). Матросы наши работали хорошо и сильно, всегда были въ хорошемъ настроеніи духа; они были находчивы, отважны, и храбрость ихъ нерѣдко доходила до героизма. Всѣ эти качества у солдатъ мы видимъ въ слабѣйшей степени. Оно и не могло быть иначе. Пусть исторія разъяснить намъ причины этой разницы для того, чтобы мы, видя печальныя послѣдствія, могли уничтожить вредныя причины, для того, чтобы каждый человекъ, служа отечеству, могъ быть полезенъ всѣмъ своимъ существомъ, а не обманывать глазъ одною численностью. Можно положительно сказать, что во время обороны Севастополя, будь наши солдаты такъ же хорошо содержимы, какъ и матросы, то зимою 1854 г., и при томъ же числѣ гарнизона, не только мы могли бы устроить и защищать новые редуты и Камчатскій люнетъ, но и сдѣлать много другихъ значительныхъ инженерныхъ работъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, чтобы я дерзнулъ обвинять нашихъ солдатъ въ недостаткѣ храбрости. Напротивъ, при такомъ жалкомъ образѣ прежней ихъ жизни, еще болѣе поражаешься ихъ геройствомъ, для примѣра котораго достаточно упомянуть: о дѣлѣ съ сильнѣйшимъ непріателемъ при постройкѣ новыхъ редутовъ, объ отраженіи штурма 6 іюня и, наконецъ, объ ужасномъ сраженіи въ ночь на 13 мая въ траншеяхъ впереди 6-го бастіона, гдѣ наша войска 13 разъ ходила въ штыки подъ картечнымъ огнемъ непріателя и изъ 5 тысячъ, пошедшихъ въ дѣло, воротилось только 2 тысячи человекъ“.

„Мы, защитники Севастополя, инстинктивно понимали дѣла такъ, какъ они должны быть; вслѣдствіе этого убѣжденія, намъ еще тяжелѣе казался всякій новый ударъ, и отъ всякой новой неудачи наша гордость страдала еще сильнѣе. Подъ конецъ обороны Севастополя это положеніе сдѣлалось невыносимо, тѣмъ болѣе, что не оставалось и физической возможности держаться въ Севастополѣ“.

Мною, по мѣрѣ возможности, исчерпано здѣсь, въ этой статьѣ, содержаніе подареннаго мнѣ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.

Думается, что едва-ли дневники покойнаго, пожертвованные имъ при жизни въ Севастопольскій музей, относящіеся къ событіямъ обороны, не разъ уже описаннымъ другими очевидцами, дали бы что-нибудь новое для исторіи самой обороны, для характеристики князя, какъ одного изъ ея видныхъ участниковъ.

Вотъ почему я не дѣлалъ попытки воспользоваться и этими, неизвѣстными мнѣ, матеріалами для моей работы.

Съ чувствомъ невыразимаго духовнаго удовлетворенія переносился я, изучая бумаги доблестнаго князя, въ далекое прошлое, стараясь уйти отъ того, что меня окружаетъ...

Признаться, взявъ на себя кропотливый трудъ — создать нѣчто цѣлое изъ княжескаго архива, находящагося въ беспорядкѣ, я постоянно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ одну группу будущихъ читателей „Русской Старины“ — морскую молодежь.

При встрѣчахъ и бесѣдахъ съ молодыми моряками въ послѣдніе годы не разъ подмѣчалъ я въ нихъ грустное, нежелательное явленіе — не то безнадежность, не то разочарованіе...

— „Флотъ погибъ... Морская слава Россіи — лишь въ прошломъ... Намъ никогда не возродиться, какъ морской державѣ...“

Таковъ основной смыслъ душевнаго настроенія современной морской молодежи, съ которой мнѣ суждено было столкнуться...

Часто, при этомъ, высказываются мечты о томъ, что хорошо было бы покинуть неблагодарную морскую службу, когда и флота нѣтъ, и на возрожденіе его мало надежды, и начальство плохо, пріискавъ для себя другой родъ дѣятельности.

Конечно, въ подобномъ мрачномъ настроеніи слѣдуетъ видѣть и результатъ нашихъ недавнихъ неудачъ на морѣ, и излишнюю впечатлительность, присущую молодости.

Но невольно, при такихъ встрѣчахъ, срывается съ губъ и слово осужденія.

„Да правы ли вы, господа, такъ мрачно смотря на свое назначеніе!“ говоришь юнымъ пессимистамъ: „Если флотъ нашъ такъ разстроенъ, если порядки въ немъ, по мнѣнію вашему, такъ плохи, если въ настоящую минуту мы далеки отъ идеаловъ прошлаго нашего морскаго могущества, если, быть можетъ, долго еще суждено намъ идти, въ этомъ отношеніи, въ хвостѣ прочихъ морскихъ державъ, то не обязываетъ ли васъ все это, вмѣстѣ взятое, еще болѣе, какъ порядочныхъ людей и честныхъ гражданъ, оставаться служить во флотѣ именно теперь, когда ему живется скверно, поработать рука въ руку съ государственной властью въ дѣлѣ его возрожденія? Что же станетъ съ флотомъ, если, во дни его бѣдствій, все лучшее, жизнеспособное бѣжитъ изъ него, унося съ собою энергію, надежды, силы молодости?!..“

И вотъ дневниками кн. Ухтомскаго, ссылками на „Описаніе обороны г. Севастополя“ гр. Тотлебена мнѣ хочется повторить еще разъ то же самое этой молодежи въ яркихъ образахъ, тицахъ, сценахъ Севастопольской страды...

Вѣдь наши неудачи подъ Севастополемъ только поднимали духъ его гарнизона. Флотъ нашъ не погибъ послѣ вынужденнаго затопленія судовъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Напротивъ, моряки наши доказали, подвигами своими, кровью лучшихъ своихъ представителей, что нельзя измѣрять значеніе флота количествомъ судовъ, орудій, численностью состава...

Справедливо поставилъ гр. Тотлебенъ первую причиною геройской обороны Севастополя „превосходный духъ русскихъ войскъ“.

Онъ пишетъ:

„Хотя союзники и имѣли въ Крыму лучшія свои войска, которыя постоянно оказывали много мужества и храбрости, тѣмъ не менѣе, несмотря на дурное вооруженіе и численную слабость русскихъ войскъ, нигдѣ въ такомъ блескѣ, какъ при защитѣ Севастополя, не проявились высокія боевыя качества, присущія русскому солдату, а именно: непоколебимыя мужество и стойкость, безпредѣльная преданность Государю и отечеству, теплое религіозное чувство, добрая нравственность и способность безропотно переносить самыя тяжкія труды и лишенія“.

Какъ трудъ Тотлебена, такъ и мемуары князя Ухтомскаго, въ назиданіе потомству, подчеркиваютъ тотъ фактъ, что при всемъ ужасѣ, даже трагизмѣ положенія нашихъ моряковъ, ни у кого изъ нихъ въ тѣ дни не было помысловъ—сдаться, бѣжать, покинуть товарищей, службу, поколебаться въ вѣрности долгу...

Припомнимъ послѣднія слова умирающаго, страдающаго отъ тяжелой раны, адмирала Корнилова:

„Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его!.. Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна!.. Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!..“

Намъ ли, прямымъ потомкамъ Корнилова, Истомина, Нахимова, десятковъ тысячъ сподвижниковъ ихъ по оборонѣ Севастополя, славно покоющихся на братскомъ кладбищѣ послѣдняго, унывать, падать духомъ, мрачно глядѣть въ будущее?!..

Не ихъ ли святые, окровавленные тѣни благословляютъ насъ на грядущіе подвиги изъ загробнаго міра?!.. Не ихъ ли горячія, чистыя молитвы приносятся у престола Божія за счастье, благоденствіе дорогой родины, за преуспѣяніе родного флота?!..

Наконецъ... Развѣ можетъ не побѣдить, развѣ можетъ погибнуть народъ, въ прошломъ котораго столь священныя гробницы, столь чудныя преданія?!..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

